Статьи. Теория и практика фрейм-анализа

Виктор Вахштайн

Фрейм-анализ как политическая теория

Статья посвящена ответу на вопрос: что делает некоторое наблюдаемое событие здесь-и-сейчас «политическим»? Отталкиваясь от исходных допущений, предложенных в различных версиях теории фреймов (от Г. Бейтсона до современного интерпретативного политического анализа), автор пытается предложить теоретическое решение в стиле «онтологического релятивизма» Дж. Ло. Этот теоретический ход должен стать отправной точкой в решении куда более масштабной задачи — ре-концептуализации Политического средствами микросоциологической теории.

Ключевые слова: фрейм-анализ, повседневность, политическое, социальное, событие, наблюдение, эпистемологический релятивизм, онтологический релятивизм, Джон Ло, Грегори Бейтсон, Ирвинг Гофман.

Viktor Vakhshtayn. Frame Analysis as Political Theory

The article gives an answer to the question: what makes an event observed here-and-now political? Basing on premises of different versions of frame theory ranging from G. Bateson to Interpretative Political Analysis, the author offers a solution in John Law's ontological relativism style. This solution should become the starting point for dealing with a much more far-reaching goal of reconceptualisation of the Political by means of microsociological theory.

Keywords: frame analysis, everydayness, the political, the social, event, observation, epistemological relativism, ontological relativism, John Law, Gregory Bateson, Erving Goffman

---

Вахштайн Виктор Семенович — кандидат социологических наук, заведующий кафедрой теоретической социологии и эпистемологии философско-социологического отделения ФГУ РАНХиГС, профессор Российско-Британского университета МВШСЭН («Шанинка»). Научные интересы: социология повседневности, фрейм-анализ, эпистемология социальных наук.

Отношения в треугольнике «Социальное — Повседневное — Политическое» напоминают историю Балкан конца прошлого столетия: квазиимперское пространство с асимметричным политическим представительством, образовавшееся в результате успешной экспансии одного онтологического региона, распадается на несколько полусуверенных княжеств, причем борьба за независимость от недавнего гегемона неизбежно сопряжена с колонизацией смежных территорий и претензией на утверждение новой гегемонии. И, тем не менее, понятию политического в XX столетии повезло несколько больше, чем понятию социального. У политологов не было своего Эмиля Дюркгейма, который ценой невероятных политических усилий смог бы придать Политическому суверенный и самореферентный характер. А, следовательно, не было и последующих методологических репрессий под знаком «объяснения политического политическим».

У политического нет исконно «своей» территории sui generis.

Принципиально иначе устроено определение Социального. Оптика социологического исследования дает наблюдателю-социологу возможность увидеть свой объект как *реальный*, *познаваемый* и *социальный* независимо от того, является ли этим объектом неравенство жизненных шансов выпускников школ, ландшафт юго-западного округа Москвы, уровень самоубийств, запуск северокорейских ракет или публикации самих социологов. Это означает, что классический социологический способ описания априорно и независимо от объекта описания содержит в себе ответы на три вопроса.

1. Что есть Социальное и каковы критерии его демаркации?
2. Каков онтологический статус Социального?
3. Каков эпистемологический статус Социального?

В истории нашей дисциплины сосуществуют принципиально взаимоисключающие ответы на эти вопросы. А также парадоксальные комбинации таких ответов. Хотя они взаимосвязаны, ответ на один вопрос не диктует с необходимостью ответы на два других. Классики социологии вопросы о демаркации, реальности и познании задавали в открытой и эксплицитной форме. Они искренне пытались доказать, что у нашей дисциплины есть свой объект, отличный от объекта других дисциплин[1], он существует реально, и для его познания требуется особая социологическая методология.

Например, социальные факты Дюркгейма в силу своей «особой природы» отличны от фактов биологических и психологических. Эта природа — залог онтологии социального sui generis. (Т. е. социальное обладает особым онтологическим статусом.) Она познавае-

1 Г. Зиммель в этом отношении представляет собой редкое исключение.

ма, но лишь при особом, социологическом рассмотрении социальных фактов — факты нужно рассматривать «как вещи», однако они не суть вещи в пространстве и времени (потому что тогда не было бы нужды в социологии, хватило бы физики). Есть различие социального и несоциального, есть ответ на вопрос об онтологическом статусе социального, и есть ответ на вопрос об эпистемологическом статусе социального.

В неокантианском проекте социальное определяется через смысловое. У социального нет своей онтологии, ибо социолог не изучает то, что вещи *суть*, он изучает то, что они *значат*. (Что не делает социальное менее реальным — просто теперь это особая реальность: реальность смысла, а не реальность вещи [Husserl, 1939][1]. Этот шаг, кстати, означает, что социология не рядоположна физике или химии, потому что социальное определяется не по аналогии с физическим или химическим, у него иной онтологический статус). Однако именно смысловое измерение вещей делает их познаваемыми. И вновь у нас три ответа: где границы социального, каково его отношение к миру, и каково его отношение к познанию.

Если вопрос об онтологическом статусе — это вопрос о существовании, то вопрос об эпистемологическом статусе — это вопрос об объяснении и сомнении. Реальность общества — это единственная реальность, в которой невозможно усомниться, говорит Шелер [2002]. Никто не создает общество, но все застают его уже готовым, говорит Дюркгейм. В онтологическом плане социальное не просто утверждалось в качестве реальности особого рода («существуют социальные факты», «существуют социальные системы», «существуют социальные поля»), оно утверждалось в качестве верховной реальности (контовское «Общество как Высшее Существо»). Этот привилегированный онтологический статус социального конвертировался в его привилегированный эпистемологический статус («в нем нельзя усомниться», «через него нужно объяснять»): теперь при помощи социального можно объяснить даже то, что на первый взгляд социальным не является.

Какова траектория суверенизации политического?

Сама постановка такого вопроса повергает человека, не прошедшего первичной социализации в политической философии, в состояние ступора. Должны ли мы вслед за Карлом Шмиттом [2007] оттолкнуться от идеи экзистенциальных оснований политического

1 Мы уклонимся здесь от различений «реального» и «существующего». Мне нечего добавить к тому, что написал по этому поводу Э. Гуссерль, проведший в «Суждении и опыте» тонкое различение «предикатов реальности» и «предикатов существования».

(политическое есть там, где есть противостояние Друга и Врага)?[1] Или от идеи личностного знания (в духе М. Полани), «не переводимого ни в групповую, ни в какую-либо другую коллективную собственность»?[2] Или совершить в отношении политического тот же демаркационный маневр, который Георг Зиммель совершил в определении социального — попытаться схватить его как *чистую форму*, наполняющуюся иными, неполитическими (в случае с Зиммелем: историческими и психическими) содержаниями?[3] Какой бы ни была исходная точка в траектории самоутверждения Политического, машина концептуализации должна выполнять те же три задачи: демаркации (внятного различения «политического/неполитического»), онтологической маркировки (ответ на вопрос об онтологическом статусе политического) и эпистемологической гарантии (ответ на вопрос об основаниях его познания). Однако даже самый поверхностный анализ эволюции подобных концептуализаций завел бы нас в дебри политической философии. Поэтому ограничимся двумя короткими замечаниями.

1. Существует определенная гомология траекторий самоутверждения Социального и Политического. Их общий вектор — экспансия, неизменное разоблачение «социальных оснований» и «политической природы» феноменов, ранее не проходивших по ведомству «социального» и «политического». А потому известный тезис «Everything is political» гомологичен тезису «Everything is social», ставшему в последние два десятилетия объектом эпистемической

1 «Ядро, сущность, политического — не просто вражда, но различение друга и врага, политическое предполагает их обоих — друга и врага». [Шмитт, 2007]

2 Такую линию концептуализации политического предлагает В. Подорога: «Политическое — это сингулярное, не регулярное, индивидуальное, не коллективное, избыточное, не достаточное; оно принадлежит свободно изменяющемуся сообществу, отдельным его акторам, не связанным между собой едиными целями, идеологией, волей к власти... Отсюда и стратегия политического как особенной, возможно, даже уникальной, т. е. личностной формы знания». См. [Подорога, 2010].

3 Любопытный разворот этой логики демаркации мы можем найти в работах А. Магуна: «...политическое есть сфера коллективного единства людей... Поэтому государство (инстанция политического) — это единство общества как его форма. Форма единства. Как любая форма, она будет ограниченной, так что государство не только объединяет людей, но и выделяет одно сообщество людей из всех прочих, отделяет его от природного единства людей. Наложение этой формы на материю человеческих существ и отношений между ними требует дополнительных структур объединения, которые мы в узком смысле называем „государством“ или государственными институтами. «Политическими» будут тогда отношения и действия людей или групп людей, которые имеют место по поводу этого единства, которые устанавливают границы этого единства или оспаривают их». См. [Магун, 2011].

атаки со стороны Б. Латура, Дж. Ло, К. Кнорр-Цетины и других сторонников идеи постсоциального мира. Однако это сродство двух траекторий обманчиво. В отличие от региона Социального регион Политического не прошел фазы тотальной суверенизации: радикального размежевания с другими онтологическими регионами (с сопутствующим замыканием каузальных рядов политической науки). Экспансия Политического строилась на иных основаниях, нежели экспансия Социального, неизменно сопровождавшаяся *эпистемическими интервенциями* социологии на территории философии и сопредельных дисциплин.

2. Поэтому принципиальное отличие политических наук от социологии состоит в негерметичности предлагаемых ими объяснений. Например, в одной и той же статье результаты выборов могут поочередно объясняться географическими, экономическими и психологическими факторами, причем все объяснения будут рассматриваться как конкурирующие, и ни одно из них не получит априорных преференций. Стремление «объяснить политическое политическим» зачастую декларируется в качестве желаемой цели [Kostadinova, 2006; Branton, 2003; Mylonas, Roussias, 2008; Prysby, 1989], однако редко когда ученому-политологу удается избежать разгерметизации своих объяснительных моделей — политическим наукам далеко до герметичности социологических нарративов, блокирующих все попытки объяснения социального несоциальным. Что это означает для исследований, предметом которых традиционно являются электоральные процессы, поведение избирателей, политические режимы, партийные системы, институты власти etc.? Во-первых, из-за отсутствия эмбарго на импорт объяснений из смежных дисциплин не складывается единый дисциплинарный канон, не формируется общий для всех политических наук когнитивный стиль. (Есть «социологизм», есть «экономический империализм», но «политологизма» или «политицизма» не существует.) Во-вторых, политические науки больше, чем смежные с ними дисциплины, открыты для эпистемических интервенций — непрекращающихся попыток использовать логику, апробированную в смежных дисциплинарных областях, для объяснения феноменов, устойчиво определяемых как политические. В-третьих, такие эпистемические интервенции могут идти на пользу дисциплине, которая вынуждена регулярно проблематизировать свои аксиоматические основания (яркий пример: попытки изгнать модель «человека экономического» из исследований электорального поведения и триумфальное возвращение этой модели в политологический мейнстрим).

Далее мы попытаемся ответить на вопрос, как оптика фрейм-аналитического исследования — оптика микросоциологическая, сфо-

кусированная на повседневных взаимодействиях и избегающая описания ненаблюдаемых атрибутов социального порядка, — может помочь если и не в решении, то хотя бы в постановке проблемы концептуализации Политического.

Событие политического

> 10.11.2002. Самозваный Египетский комитет по бойкоту потребовал не покупать стиральный порошок «Ariel» компании «Procter&Gamble», потому что, по мнению комитета, порошок этот носит имя премьер-министра Израиля Ариэля Шарона. Активисты организации утверждают, что логотип порошка «Ariel» в действительности представляет собой звезду Давида. «Это смехотворно, — возражает P&G. — „Ariel" существовал задолго до того, как на свет появился израильский лидер. А наш логотип изображает траекторию движения атома и не имеет никакого отношения к религии или политике».
>
> *По сообщению агентства DELFI*

> 7.01.2013. Днем 6 января полиция Петербурга пресекла флэшмоб «Снежная битва». Для того чтобы принять участие в игре в снежки, на Марсово поле пришли несколько сотен человек. Однако полицейские запретили акцию и настойчиво попросили всех собравшихся на Марсовом поле разойтись. Участников флэшмоба предупредили, что участие в несанкционированной акции может закончиться для них задержанием и штрафом до 10–20 тыс. рублей. В итоге все закончилось задержанием нескольких участников.
>
> *По сообщению агентства Baltinfo.ru*

Были ли два описанных выше события «политическими»? Был ли стиральный порошок политическим в той же степени, что и его бойкот? Был ли политическим флэшмоб «Снежная битва» или ее таковой сделал (и сделал ли?) последующий разгон? Что вообще позволяет отнести некоторое событие или артефакт к классу «политических»? Акт номинации? Консенсус наблюдателей? Замысел участников?

Рассмотрим пример. В месте X в момент Y собираются представители чего-то, называемого «академическим сообществом» и заслушивают выступление недавнего аспиранта о проделанном им исследовании. Если это событие сопровождается соответствующими атрибутами (часть из которых носит ритуальный характер), наблюдатель может квалифицировать его как «защиту кандидатской диссертации». Наблюдаемые атрибуты события играют роль

считываемых маркеров — они дают наблюдателю ответ на вопрос «Что здесь происходит?»[1]. Событие защиты является уникальным для соискателя и вполне рутинным для академического социального порядка.

Таким образом, в семантике событийности центральное место отведено наблюдателю — он производит наблюдение, различает нечто в качестве события, дает этому событию именование и квалификацию. Именуя, наблюдатель пользуется языком определенного социального порядка — он помещает наблюдаемое событие в одну из ячеек системы различений. Эти системы различений мы вслед за Грегори Бейтсоном и Ирвингом Гофманом будем далее называть системами фреймов.

Сама механика различения, именования и квалификации предполагает, что наблюдатель «вырезает» событие, придает ему определенность, пользуясь некоторым лекалом смысла. Именно поэтому событие не имеет длительности, оно моментально — смысл не может иметь протяженности во времени или пространстве. Наблюдатель события говорит: «Это — защита диссертации», конституируя увиденное как «защиту» своими операциями различения и именования. Далее возможны варианты: наблюдатели разойдутся в своих квалификациях («Это не защита, а форменный бардак!»), может возникнуть борьба за право номинации и объяснения («Подобный бардак — следствие продолжительной деградации Академии наук»), могут быть оспорены сами критерии различения («Когда в зале треть совета, а в протоколе — все положенные по форме подписи, это называется фальсификация, а не защита»). Однако все вовлеченные наблюдатели совершают акты различения, именования, квалификации, тематизации, которые могут быть, а могут и не быть коррелятивны друг другу.

Следующий ход, предлагаемый нам теорией социальных событий, достоин особого внимания. Наблюдатель, конечно, — живой человек из плоти и крови. Он находится в пространстве и живет во времени. Однако совершаемые им операции различения сами являются событиями. Они могут быть представлены в качестве таковых наблюдателем второго порядка («Я видел, как он всю защиту сидел в углу, смотрел, делал записи, фотографировал и всеми средствами готовился оспорить легитимность нашего суверенного академического порядка»). Этот ход может показаться парадоксальным:

---

1 У Ирвинга Гофмана: «Я исхожу из того, что оказываясь в какой бы то ни было ситуации, люди всегда задаются вопросом: „Что здесь происходит?“. Не имеет значения, ставится ли этот вопрос явно (в случаях замешательства или сомнения) или возникает по умолчанию (в привычных ситуациях), ответ зависит от способа поведения в данной ситуации» [Гофман, 2004].

«поскольку наблюдение мы также считаем событием, то обнаруживается парадоксальность события, взятого в двух аспектах: наблюдения и наблюдаемого» [Филиппов, 2004]. Впрочем, если отвлечься от фигуры наблюдателя как живого человека со своими слабостями, интересами и мотивами, мы легко избежим парадокса. Событие наблюдения коррелятивно наблюдаемому событию, поскольку конституирует его.

Нет событий без наблюдений. Нет наблюдений без систем фреймов. Событие первый раз конституируется в наблюдении (когда наблюдатель применяет к нему определенный фрейм), но затем оно конституируется повторно — в *описании*. Чтобы транслировать свою квалификацию события в коммуникацию, наблюдатель должен перевести ее на язык того социального порядка, в котором эта коммуникация разворачивается. Описав, например, событие защиты как «нарушение формальной процедуры», «пренебрежение нормами академического сообщества» или «профанацию научного ритуала». Эта трансляция дополняет конститутивную связь «событие наблюдения — наблюдаемое событие» еще одним элементом: событием описания.

Если наблюдаемое событие — это атом социальной жизни, то связка наблюдаемого события с событиями наблюдения и описания — это ее «молекула», устойчивый инвариант, имеющий место в самых разных социальных порядках. Отношения событий наблюдения и описания с наблюдаемым событием носят конститутивный характер. Это процесс создания события в актах различения, именования, квалификации, а затем в коммуникативном акте повествования. Отношения событий наблюдения и описания двусторонни. Наблюдение структурировано системами фреймов. Аналогичным образом описание структурировано фреймовыми категориями, всегда уже имплицированными в языке описания. Наблюдение и описание — суть две импликации применяемых к данному событию систем фреймов. Введение фигуры наблюдателя второго порядка позволяет рассмотреть события наблюдения и события описания как наблюдаемые события, которым коррелятивны свои события наблюдения и описания.

Отсюда собственно вопрос: где именно локализована «политичность» политического события? В самом событии? В акте его наблюдения? В «политической» системе фреймов, которая была к нему применена? В последующей коммуникации, где это событие было квалифицировано и тематизировано как «политическое»? Что позволяет нам говорить о некотором наблюдаемом событии (например, об игре в снежки на Марсовом поле) как о «несанкционированной акции», «политическом протесте» или «флэшмобе сомнительного содержания»?

Здесь мы подходим к ключевой для нас теоретической развилке. Если событие — это «атом» политического, то его «политичность» на-

ходится либо в нем самом (т. е. является имманентным свойством события X), либо присваивается ему в процессе наблюдения/коммуникации. В первом случае мы можем говорить об «имманентно политических» событиях, во втором — нам придется согласиться с утверждением: *делать политику значит фреймировать неполитическое как политическое*.

Самый заманчивый (первый) путь концептуализации лежит в попытке привязать квалификацию «политического» не к специфике использованной наблюдателем системы фреймов и последующей коммуникации, а к самим характеристикам события, как чего-то свершающегося в пространстве и времени. Это путь обнаружения онтологических оснований Политического в событийном порядке повседневной жизни и его разрушении. Проследим, куда он ведет.

Экстраординарность Политического

Описанная выше теоретическая схема в полной мере заражена первородным грехом социологии — релятивизмом. Событие не является чем-то «самим по себе», его онтологический статус крайне сомнителен. Событие — это событие-в-наблюдении-и-описании. Как наблюдатель его «вырезал», как квалифицировал, как описал, какой «квант смысла» атрибутировал — таким оно и будет. Можно, конечно, сказать, что идентифицировать нечто как событие X легко, а как событие Y уже сложнее (назвать фальсификацию на защите можно и «фальсификацией», и «защитой», но ее трудно назвать «символом научной рациональности» или «торжеством справедливости»). Различаемая наблюдателем ткань социальной жизни больше похожа на мрамор, чем на ткань, он не просто «вырезает» из нее события по лекалу фрейма, он высекает фигуру из сопротивляющегося материала; прожилки в мраморе облегчают различение одних событий и осложняют идентификацию других. Но это, пожалуй, все, что есть в данной схеме от онтологической проблематики. Произвол наблюдателя ограничен дважды: языком наблюдения/описания («трафаретом фрейма», «лекалом смысла») и онтологическим сопротивлением материала («прожилками в мраморе»). Тем не менее, из приведенного описания видно, что ограничения эти не симметричны — онтология играет гораздо меньшую роль. И если бы не один особый класс событий, то можно было бы говорить о тотальной диктатуре фреймов, систем различения, языков описания, которые делают видимыми одни события и невидимыми другие. Это класс абсолютных событий.

Абсолютные события противостоят событиям относительным. «Членение относительных событий, — пишет Филиппов, — зависит

от правил внимания и тематизации, согласованных сообществом наблюдателей. Таким образом, социальное внимание к событию имеет решающее значение для его квалификации... Вместе с тем существуют события, которые, так сказать, не „окружены“ иными событиями, и соотнесены с прочими событиями как индуцирующие, но не индуцируемые. В горизонте событий они носят, как правило, характер *предельный*. Таковы, прежде всего, события начала и прекращения существования, среди которых для нас важнее всего *рождение* и *смерть*. Сюда относятся *учредительные* события, как подлинные, так и мифические, с которых начинается отсчет хронологии исторических событий. Наконец, сюда относятся события *сакральные*, то есть обладающие статусом явления трансцендентного в посюстороннем» [Филиппов, 2005].

Итак, абсолютные события крайне сложно свести к конституирующему вниманию наблюдателя или используемой им системе фреймов. Они выламываются из всех различений, упорно отказываясь вписываться в ячейки когнитивных схем. Они обладают *принудительной релевантностью* — их нельзя не заметить. Они перформативны: абсолютные события скорее создают новые системы фреймов, чем описываются уже существующими. Именно поэтому возникает пауза между абсолютным событием и событиями его описания — у наблюдателей не сразу появляются определения происшедшему, обнаруживается дефицит квалификаций. Благодаря абсолютным событиям трансцендентное напоминает о себе наблюдателям, погруженным в рутинные, повседневные взаимодействия. Они, наблюдатели, регистрируют предсказуемым образом повторяющиеся события, помещают их в отработанные и надежные системы фреймов, дают им многократно обкатанные интерпретации. И делают это до тех пор, пока не происходит нечто, ломающее их социальный порядок, рвущее цепочку наблюдений и описаний. Когда это происходит, практики становятся поступками, социальное оборачивается экзистенциальным, появляются неожиданные интонации у самых обыденных взаимодействий. Абсолютное событие «прожигает» ткань повседневности.

Как замечает по этому поводу Бернхард Вальденфельс: «Часто неизвестное является нам в соединении внезапного и могущественного. В первую очередь это относится к моментам возникновения, преобразования, опасности уничтожения индивидуального и коллективного жизненного порядка, а точнее, к рождению, периоду половой зрелости, к полетам воображения, к болезни и смерти, а также к закладке города, к войнам и революциям, к возникновению Вселенной и природным катастрофам и часто встречающимся сегодня крупным авариям» [Вальденфельс, 1991]. Список абсолютных событий у Вальденфельса более всего напоминает борхесовскую

«китайскую энциклопедию»[1], но, несмотря на гетерогенность, он очень точно передает основную интересующую нас интуицию — интуицию неповседневности.

Этот тезис можно релятивировать, задав ряд классических социологических вопросов: «Чьей повседневности?», «Для кого абсолютное?». И действительно, трудно говорить об абсолютном событии, абстрагировавшись от границ социального порядка и его языка. Абсолютное событие является абсолютным лишь для некоторого сообщества наблюдателей. Легко не заметить мировой финансовый кризис, если он не затрагивает ваших финансовых интересов. Можно не заметить геноцид в Руанде, учредительное событие образования Косовской государственности, серию революций в Латинской Америке. Можно не заметить аварию на Чернобыльской АЭС. Возможно, даже конец света не обязательно обладает принудительной релевантностью для бесстрастного космического разума. Однако мы исходим из того, что ни один физически существующий наблюдатель не занимает привилегированной позиции космического разума, а потому для каждого наблюдателя, каждой системы фреймов и каждого языка описаний класс потенциально возможных абсолютных событий не пуст.

Являются ли абсолютные события уникальными? Они уникальны для данного конкретного сообщества наблюдателей, поскольку непосредственно связаны с самим фактом его существования (а не с операциями наблюдения/описания). Для нас же важно другое. Разговор об абсолютных событиях в социологии — это попытка положить предел релятивизму внутри собственно социологической теоретической модели. Представление о существовании уникальных абсолютных событий, наделенных особым онтологическим статусом, которые взламывают социальный порядок, прямо противоположно идее о предикатах «уникальности» и «абсолютности», которыми наблюдатели в рамках конвенций своего языка наделяют те или иные события. Иными словами, мы исходим из того, что революция переопределяет социальный порядок, делая возможными одни наблюдения/описания и невозможными другие, чем, собственно, и обеспечивается ее особый онтологический статус. А не из того, что сообщество, «испытывая потребность в конструировании собственной идентичности» или «легитимируя произошедшее структурное

1 Напомним, что, согласно этой классификации, животные делятся на «а) принадлежащих Императору, б) набальзамированных, в) прирученных, г) молочных поросят, д) сирен, е) сказочных, ж) бродячих собак, з) включённых в эту классификацию, и) бегающих как сумасшедшие, к) бесчисленных, л) нарисованных тончайшей кистью из верблюжьей шерсти, м) прочих, н) разбивших цветочную вазу, о) похожих издали на мух».

изменение» именует некоторое событие «революцией» и наделяет его статусом «уникального», «абсолютного», «сакрального».

Следуя первой логике концептуализации, пытаясь обнаружить «политическое» непосредственно в материале событийности, мы приходим к классу абсолютных событий, а оттуда — через еще один теоретический шаг — к идее априорно экстраординарного характера политического события. Таковы, к примеру, события отправления дисциплинарной власти. (Неслучайно в теории социальных событий А. Ф. Филиппова возможность отправления власти связана с телесностью как самого властвующего, так и подвластных.) Однако данный вывод парадоксален. Получается, *имманентно политическими могут быть лишь события принципиально неимманентные*, непосюсторонние, неповседневные. Политическое неизбежно начинает мыслиться как внеположное миру повседневных человеческих взаимодействий. То есть ни в флэшмобе на Марсовом поле, ни в стиральном порошке «Ариэль», ни в пресловутом «деле Куракина» нет ничего от мира повседневности. Если это имманентно политические события (события трансцендентные, ломающие устоявшиеся системы фреймов), они уже заведомо не проходят по ведомству фрейм-анализа.

У рассмотренного выше теоретического решения есть сильные и слабые стороны. Его преимущество: решительное ограничение привычного социологического релятивизма — политическое не сводится к столкновению фреймирующих машин. Из объекта фреймирования оно превращается в условие его возможности. Главный же недостаток такой концептуализации состоит в сильном сужении сферы политического и, по сути, определения его через отношения власти. Причем власть эта не рассеяна в мире повседневности (в духе имманентизма Мишеля Фуко), а, скорее, представляет собой радикальную перформативную способность к учреждению новых социальных порядков (в логике децизионизма Карла Шмитта).

Но что если мы откажемся от поиска политического в самом строении событийного? И подпишемся под другим аксиоматическим допущением: ничто не является политическим или неполитическим само по себе, *производство политических событий есть фреймирование событий как политических.* Такое теоретическое решение приведет нас в сферу политического фрейм-анализа, получившего постоянную прописку в области IPA (interpretative policy analysis).

Политическое фреймирование

Отличительная особенность популярных теоретических моделей — повышенная кросс-дисциплинарная мобильность. Не успев пустить корни в одной дисциплине, они перебираются в следую-

щую. Изначально предназначенные для описания когорты относительно специфичных феноменов, эти теоретические языки постепенно расширяют область описываемого, презирая устоявшиеся дисциплинарные границы и юрисдикции. Именно так в науках XX в. разрастался и множился фрейм-анализ.

С того дня как Грегори Бейтсон [2000] посетил зоопарк Флейшхакера в Сан-Франциско и задался вопросом: «Благодаря какой сигнальной системе обезьяны способны распознать, нападает на них в данный момент другая особь или заигрывает?», прошло уже более полувека, однако предложенный им ответ (вернее, тот теоретический язык, на котором этот ответ был предложен) продолжает будоражить умы исследователей. В небольшом семинарском кружке, к которому он принадлежал, ведущую роль играл отец-основатель кибернетики Норберт Винер, и создание теории фреймов — лишь один из побочных продуктов великой кибернетической революции 1950-х. (Побочный, несомненно, для самой революции, но центральный для всех фрейм-аналитиков мира.) В 1970-е годы исследователи искусственного интеллекта активно использовали ресурсы теории фреймов, однако это другая теория фреймов; к примеру, известная книга М. Минского [1979] не имеет ничего общего с идеями Бейтсона, она напрямую восходит к работам Винера.

Из исследований коммуникации фрейм-анализ мигрирует в социологию благодаря усилиям Ирвинга Гофмана (он использует идеи Бейтсона для ответа на вопросы, поставленные феноменологами и символическими интеракционистами). Дальнейшую линию проследить несложно — идеи фрейм-анализа обосновываются в социологии повседневности, откуда влияют на развитие когнитивной социологии (Э. Зерубавель), конверс-анализа (Э. Щеглофф, Х. Сакс) и социологии вещей (Б. Латур, Дж. Ло). Однако социология — далеко не единственная новая родина теории фреймов. В психологии ее законным наследником становится нейролингвистическое программирование (Д. Гриндер, Р. Бендлер). В политических науках — интерпретативный политический анализ Дональда Шёна и Мартина Райна. В теории общественных движений — работы Дэвида Сноу и Роберта Бенфорда. Сегодня любая встреча фрейм-аналитиков из разных дисциплин напоминает описанный Ильфом и Петровым сюжет с детьми лейтенанта Шмидта: ее неотъемлемый атрибут — установление родства.

Так что же, несмотря на многочисленные различия, заставляет фрейм-аналитиков читать работы своих «двоюродных братьев»? Явно не интерес к объекту. Вряд ли можно представить себе что-то более далекое от исконной темы гофмановского интереса — порядков взаимодействия лицом-к-лицу, — чем экологическая по-

литика Евросоюза, установление прочных англо-американских отношений в XIX в. или срыв муниципальных выборов в Утрехте[1].

Коренное различие фрейм-анализа в социологии и фрейм-анализа в политических исследованиях кроется в ответе на вопрос: «Что именно фреймируется?». Бейтсон отвечает на него недвусмысленно: элементы коммуникации — *сообщения*. Гофман меняет фокус: фреймированию подлежат элементы взаимодействия, *события*. Для политических аналитиков привычнее говорить о фреймировании *проблем*, стоящих на повестке дня. Но в действительности речь может идти о чем угодно (идентичностях, процессах, ситуациях), поскольку исследователь политики не надеется установить фреймы в наблюдении (это задача микросоциолога), он находит их в нарративах — любой предмет описания оказывается также и предметом фреймирования. В первом случае мы говорим о фреймировании как о чем-то, что происходит в самом взаимодействии (фреймы событий не только «в глазу смотрящего»), во втором — нас больше занимают повествовательные фреймы, делающие возможным конструирование убедительного нарратива (IPA).

Яркий пример второго типа работ — исследования Дворы Яноу и Мерлина ван Хульста [2011]. «Операция фреймирования, — пишут они, — предполагает отправку и получение некоторых сигналов о том, что происходит... Чтобы осмыслить предмет, с которым они имеют дело, акторы должны с чего-то начать. Это „вступление“ — ключевой момент для герменевтической философии, с ее идеями толкования и герменевтического круга. То, что отобрано, должно быть поименовано и категориально описано: например, «покушение на свободу» или «кризис». Именование и категоризация придают смысл объекту, событию или действию — ничего из этого заранее не предустановленно. Таким образом, устанавливаются различия между, например, жертвами и преступниками, друзьями и врагами, своими и чужими, нормальными и ненормальными, старым и новым, работой и отдыхом, дракой и игрой — всем, что имеет значение в данных конкретных локальных обстоятельствах. Именование и категоризация также включают в картину одних акторов, не принимая во внимание других, именно эти операции проводят различия между действиями и словами, фактами и мнениями, описаниями и предписаниями» [Яноу, ван Хульст, 2011, с. 92]. На следующем этапе «...повествование продолжает процесс фреймирования; результаты ранее совершенных операций отбора, категоризации и именования „склеиваются“ в нарратив благодаря определенному сюжету». Однако уже через несколько страниц

1 Дальше от них только социетальная трансформация российского общества, но и она уже, кажется, была переосмыслена в категориях фрейм-анализа см. [Ядов, 2011].

мы видим, как внимание исследователей смещается с собственно фреймирования некоторого политического события на столкновение повествований о нем: «Существует множество повествований — фреймирующих и рефреймирующих события — но лишь несколько завершенных и устойчивых повествовательных фреймов. Так как фреймирование предполагает непрерывное повествование о проблемных ситуациях и — одновременно — социально-политическое участие в этих ситуациях самих рассказчиков (а также их аудиторий), лучше смотреть на ту „работу“, которую выполняет повествование, нежели пытаться собрать каталог историй или их типов».

Яноу и ван Хульст прослеживают эту работу фреймирования и повествования на примере муниципальных выборов в городе Утрехте. (Следующий фрагмент из их статьи мы приводим полностью.)

«В октябре 2007 года в городе Утрехт (Нидерланды) состоялся референдум, посвященный выборам нового мэра. Объявления о референдуме были размещены по всему городу на рекламных щитах. С их помощью комиссия, состоящая из членов городского совета Утрехта, информировала горожан о выдвижении двух кандидатов на вакантную должность. На рекламных щитах были размещены фотографии кандидатов, их имена и надпись „*Referendum burgermeester*“ («*Референдум по выбору мэра*»). Также там сообщалось: «*Utrecht kiest 10 oktober 2007*» («*Утрехт голосует 10 октября 2007*»), был указан адрес вебсайта, посвященного референдуму, и изображен символ Утрехта.

Рис. 1. Рекламный щит перед референдумом в Утрехте (фотография Мерлина ван Хульста).

В целом рекламный щит дал определение тому, что должно было происходить в следующие недели: всеобщие выборы в форме референдума. Он также содержал план действий: «Утрехт», т. е. жители Утрехта, будут выбирать одного из двух мужчин, изображенных на щите. Однако на плакате, попавшем в кадр, предложен принципиально иной способ фреймирования данного события. Кто-то написал слова «*lood*» («свинец») и «*oud ijzer*» («*старое железо*») на этом и многих других щитах по всему городу. Граффити отсылает к голландской поговорке: «Het is lood om oud ijzer» («Одного поля ягоды»[1]). Речь идет, скорее всего, о том, что оба кандидата являются членами одной партии — лейбористской — оба белые, среднего возраста, мужского пола, одеты в костюмы и полосатые галстуки. По мнению автора граффити, предложенный политический выбор на самом деле выбором не являлся.

Избирательные кампании зачастую описываются политической историей о двух очень разных кандидатах, соревнующихся в гонке за высокую позицию в городском правительстве. Политическое в этой истории являет себя через необходимость выбора между несколькими опциями. Слова «lood» и «oud ijzer»[2] отсылают к совсем иной истории об избирательной гонке, не предполагающей никакой конкуренции, — гонке, в которой принимают участие два идентичных кандидата. Референдум, таким образом, становится бессмысленным для тех, кто не видит разницы между предлагаемыми опциями.

Две конкурирующие политические истории не были изложены во всех подробностях на рекламных щитах, но это едва ли было необходимо. Избиратели принадлежат определенной политической культуре и хорошо знают нарративы о голосовании (за мэров и правительство в целом), возможно, благодаря неоднократному участию в выборах. Пройдя процесс социализации в культуре, где процитированная поговорка — расхожая фраза, избиратели, видевшие плакаты, легко восстановили пропущенные элементы истории: имплицитно, а иногда и эксплицитно.

---

1 Английский вариант этой поговорки: «It is six of one and half a dozen of the other» («Шесть одного и полдюжины другого»). Возможно, прагматически более точный аналог голландской пословицы о свинце и старом железе — русская поговорка «Хрен редьки не слаще». Следовательно, надпись под одним портретом следовало переводить как «хрен», а под другим как «редька». Но такой прагматически точный перевод в русском языке моментально обрастает дополнительными коннотациями. — *В. В.*

2 На фотографии видно, что слово «oud ijzer» написано с ошибкой. Интересно было бы подвергнуть фрейм-анализу значение грамматических ошибок как атрибута «народного рефрейминга»: видимо, повествование, создаваемое в жанре «гласа народа», должно быть немного безграмотным, чтобы быть убедительным. — *В. В.*

Ход выборов подтвердил предположение о том, что вторая интерпретация — о безальтернативности выборов — была широко распространена среди утрехтского электората. Явка составила менее 10%, что намного ниже установленного муниципальным советом порога в 30%, необходимого для признания выборов состоявшимися.

Были ли выборы мэра города Утрехта политическим событием? Для местного муниципалитета — да. Именно поэтому данный коллективный актор привычным образом фреймировал событие «выборы» как противостояние двух кандидатов. Но неизвестный шутник предложил свою историю, которая нашла отклик у значительной части городского населения. Его способ фреймирования выборов оказался более эффективен.

Значит ли это, что предложенный анонимным шутником рефрейминг лишил утрехтские выборы статуса политического события? Ответ зависит от того, полагаем ли мы соревновательность и конкуренцию конститутивными чертами политики, т. е. опять же от выбранной перспективы фреймирования. «В *разное* время, *разные* акторы произведут политические нарративы, которые имеют (потенциально) *разные* значения для *разных* аудиторий», — не устают подчеркивать ван Хульст и Яноу. А значит, являются ли эти нарративы политическими, тоже зависит от обстоятельств. Как бы то ни было, у представителей интерпретативного политического анализа есть готовый ответ на вопрос о локализации политического: ничто не есть политическое «само по себе», политическим событие делают операции фреймирования и повествования.

В поисках «третьего пути»

Выше мы проследили два способа фрейм-аналитической концептуализации политического. Первый приводит нас к идее абсолютного события (как того, что выламывается из существующих систем фреймов и перформативным образом конституирует новые порядки наблюдений и описаний). Такая оптика фокусирует наше внимание на экстраординарных «событиях власти», локализуя политическое в самом материале событийности по ту сторону многочисленных описаний и интерпретаций постфактум. Второй путь, напротив, превращает исследование фреймов в инструмент интрепретативного политического анализа. Политическое не в самом событии, а в том, как оно фреймируется: нет события вне системы фреймов, нет политического вне повествования о нем. Первое решение выводит политическое событие из сферы интереса микросоциологии, второе — растворяет его в конкурирующих повествованиях. По этой причине оба они кажутся нам неудовлетворительными.

Моя задача — во второй половине этой статьи попытаться найти третий, альтернативный путь фрейм-аналитической концептуализации политического. Для этой цели мне понадобится описание нескольких кейсов из практики международного наблюдения на выборах[1].

Представленный далее анализ основывается на материалах наблюдения за ходом выборов в ряде балканских стран в период с 2005 по 2007 г. В качестве наблюдателя и организатора наблюдения я участвовал в трех балканских миссиях международного электорального мониторинга ODIHROSCE[2] и Европейской сети электорального мониторинга[3]: в Албании (парламентские выборы 07.2005), в Боснии и Герцеговине (общие выборы 08.2006), и в Хорватии (парламентские выборы 11.2007).

Решение использовать некоторые положения фрейм-аналитического языка описаний для изучения взаимодействий лицом-к-лицу на избирательных участках было принято в июле 2005 г. в городе Пука (Северная Албания) в ходе наблюдения за подсчетом голосов. В соответствии с албанским законодательством бюллетени не подсчитываются на избирательных участках. После завершения голосования опечатанные урны транспортируются в ближайший счетный центр, где ими занимаются специально обученные члены счетной комиссии под неусыпным контролем местных и международных наблюдателей. Счетный центр города Пука представлял собой спортивный зал, расположенный в подвале единственной городской общеобразовательной школы. Помещение было разделено красной лентой на две неравные части: на одной (меньшей) половине расположились наблюдатели, на другой разместили четыре стола для членов счетной комиссии. Все наблюдатели были вооружены справочниками своих организаций, где детально и алгоритмично описывался процесс подсчета: как *должна* проверяться целостность печатей на избирательных урнах, как урны *должны быть* вскрыты, как оттуда в первую очередь *должен быть* изъят и проверен протокол участковой комиссии, как этот протокол *должен быть* зачитан и т. п. Буквально все этапы работы комиссии от первого до последнего шага — подведения и регистрации итогов.

Однако наблюдаемый процесс подсчета бюллетеней сильно отличался от представлений авторов справочников. Урны с шумом опрокидывались на столы. Члены счетной комиссии выхватывали друг у друга вываливающиеся из урн протоколы, борясь за право

1 Более детально эти кейсы разбирались нами в монографии [Вахштайн, 2011].

2 Бюро по демократическим институтам и правам человека Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (The Organization for Security and Co-operation in Europe, Office for Democratic Institutions and Human Rights (http://www.osce.org/odihr/).

3 European Network of Election Monitoring Organizations (www.enemo.eu).

первыми огласить результаты. Каждый стол устанавливал свои собственные *ad hoc* правила счета. Разноцветные бюллетени высоко взлетали над столами и раскладывались в стопки причудливым и на первый взгляд непредсказуемым образом. Подсчет перемежался конфликтами, спорами, выяснениями отношений, спонтанными обвинениями и не менее спонтанными примирениями. Начавшись 3 июля в 20.25, он закончился 4 июля в 22.40.

Наблюдатели, вооруженные справочниками, затруднялись ответить на ключевой вопрос фрейм-анализа: «Что здесь происходит?». Описание процесса подсчета голосов в справочниках принципиально не совпадало с тем, как фреймировали взаимодействие сами участники. Они с завидной регулярностью переводили коммуникацию в фреймы шутки, азартной игры и соревнования. Причем соревнования шли параллельно между столами (состязание в скорости подсчета), между представителями двух лидирующих партий (кто ведет по числу бюллетеней за данным конкретным столом), между партийными наблюдателями (кто раньше отрапортует в свой штаб об итогах голосования). Наблюдатели и их переводчики тоже по мере сил участвовали в процессе фреймирования. Заполненные ими карты наблюдения и наблюдательские отчеты пестрели метафорами, образными сравнениями и аналогиями, отличаясь друг от друга не меньше, чем происходящее по ту сторону красной ленты, — от описаний в справочниках.

Было ли наблюдаемое событие «подсчетом голосов»? Или элемент азартного соревнования транспонировал происходящее в «игру», «командное состязание» и «театральную постановку»? Чем заданы границы фрейма события «подсчет голосов»? Справочником? Законодательством? Совместным определением ситуации самими участниками подсчета? Или консенсусом наблюдателей? А главное — что изменилось во взаимодействии после его транспонирования? Повлияло ли транспонирование на исход подсчета бюллетеней?

Если в случае с подсчетом голосов клубок фрейм-аналитических вопросов распутать довольно легко (например, апеллировав к консенсусу наблюдателей, общности определения ситуации участниками, согласованным использованием различений и т. п.), то в случае с самим голосованием все уже не столь очевидно. Как переключение взаимодействия на избирательном участке из фрейма голосования в иные, неэлекторальные фреймы может повлиять на его исход?

Можно предположить, что члены счетной комиссии города Пука предприняли двойное транспонирование[1]: через превращение под-

1 Конечно, если допустить, что никто из ее членов не имел намерения подтасовать результаты голосования — тогда речь должна была бы идти не о переключении, а о фабрикации.

счета голосов в «игру» (ключ «выдумка») и через его трансформацию в соревнование (ключ «состязание»). На первый взгляд, кажется, что эти трансформации предпринимаются из-за навязчивой рутинности самого процесса подсчета голосов, якобы монотонная утомительная деятельность на протяжении 26 часов заставляет людей искать способы разнообразить ее. Однако, следуя логике гофмановского фрейм-анализа, следует предположить обратное: транспонирование подсчета происходит именно из-за его нерутинного характера — члены комиссии не считают голоса каждый день и не имеют привычки к этому занятию. Данное электоральное событие («подсчет бюллетеней») относительно редко, а потому плохо связано с событиями повседневных коммуникаций — *неплотно пригнано* к ним. Именно такие нерутинные, но ритмичные события и имеют наибольшие шансы стать предметом транспонирования. Как показывает работа Гофмана, наибольшим потенциалом переключаемости обладают ранее переключенные события, поскольку они наименее прочно встроены в событийные ряды, их связь с «соседними» событиями слабее.

Эта двойственность, сочетание рутинного и нерутинного, обнаруживается и в самом событии голосования. С одной стороны, данное событие принадлежит миру рабочих операций, за ним не скрывается никакая другая реальность. Оно не является переключением или фабрикацией иного события, а потому должно обладать тем же онтологическим статусом, что и любое событие из верховной реальности мира повседневной жизни (вождение автомобиля, работа за компьютером, приготовление пищи). В то же время голосование — событие не рутинное, не вплетенное в ткань повседневных взаимодействий, а выламывающееся из него. (В Албании это обстоятельство усиливалось тем, что выборы-2005 — одно из первых электоральных событий, полностью самостоятельно организованных албанскими властями после гражданской войны конца 1990-х и последующей «инсталляции демократических институтов под контролем международного сообщества».) Посещение избирательного участка носит выраженные символические коннотации, что увеличивает шансы этого события на транспонирование в иную систему фреймов — преобразование в небуквальную реальность.

Кейс 1. Голосование как священнодействие (Северная Албания)

Как должен выглядеть албанский избирательный участок с точки зрения организаторов парламентских выборов 2005 г.? Свобода действий тех, кто занимался непосредственной организацией голосования и устроением избирательных участков на местах, в этом

отношении была серьезно ограничена. По возможности (но не обязательно) участок *должен был* находиться в помещении с двумя дверьми (чтобы избежать столпотворения и на случай пожара).

В помещении *должны были* находиться две урны для голосования (если число зарегистрированных избирателей больше определенного порога). *Должны были* быть выделены места для голосования. Эти места *должны были* быть отделены картонными ширмами, обеспечивающими тайну волеизъявления. В каждый конкретный момент на участке *должно было* находиться не менее трех членов участковой избирательной комиссии. В помещении также *должны были* быть предусмотрены места для наблюдателей. Урны *должны были* находиться в поле зрения членов комиссии и в зоне потенциальной доступности наблюдателей.

Иными словами, подобный идеальный участок должен был выглядеть так (рис. 2).

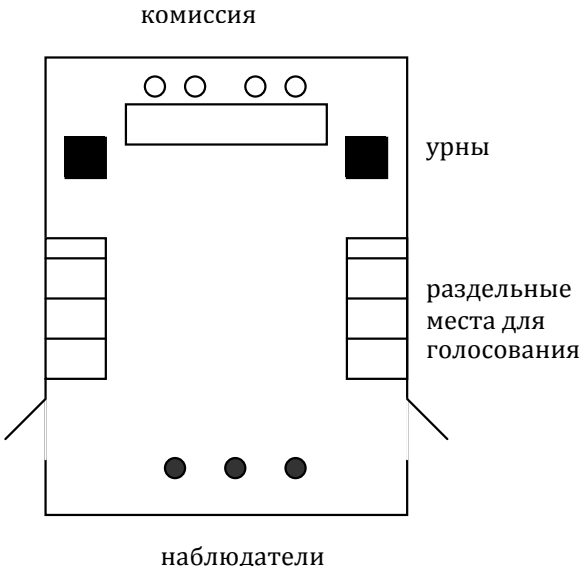

Рис. 2. Фрейм идеального избирательного участка.

Наблюдателям — помимо традиционных форм мошенничества (таких, как «ballot staffing», т. е. вброс голосов) и неправомерной агитации — предписывалось следить и за обычными на Балканах огрехами: нарушениями тайны волеизъявления и семейным голосованием (муж голосует за жену, мать и дочерей).

Таково вкратце описание электорального фрейма. Алгоритм правильного голосования включает в себя вход в помещение — демонстрацию рук члену комиссии (проверка на наличие отметки о голосова-

нии) — предъявление документа — получение бюллетеня — получение ультрафиолетовой отметки на руку (исключающей повторное голосование) — подход к месту для голосования и сам процесс голосования — опускание бюллетеня в урну — выход через вторую дверь. Это не жесткое предписание. Однако именно так (с некоторыми отклонениями) выглядит данный процесс на значительном числе участков.

Тем не менее, на некоторых участках голосование было организовано принципиально иначе (рис. 3).

> ...Помещение избирательного участка разделено на две части ширмой. Два члена избирательной комиссии (женщины) находятся на одной стороне участка, два других члена (мужчины) — на другой. Через один вход заходят женщины, через другой — мужчины. Соответственно одна из урн оказывается «женской», вторая — «мужской». Голосование происходит в полной тишине. Проголосовав, женщины возвращаются домой, мужчины — остаются около избирательного участка, курят и обсуждают исход выборов. Оба наблюдателя на участке оказались мужчинами, а потому на «женскую» часть не заходят. В тех случаях, когда пожилые избиратели не умеют читать, они шепотом просят члена избирательной комиссии отметить в их бюллетене нужную им партию. Тот, как правило, делает это молча. Иногда бюллетени бросают в урну с нашептываниями и приговорами.
>
> И мужчины и женщины одеты торжественно, возможно, в национальные костюмы...
>
> *Из карты наблюдения (Северная Албания)*

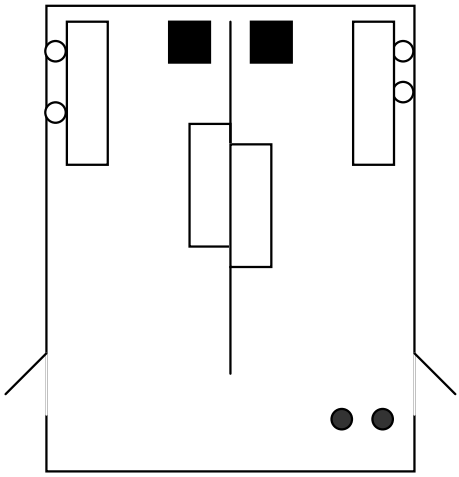

Рис. 3. Голосование как священнодействие.

Данный вид переключения не является широко распространенным. На выборах 2005 г. он был зафиксирован наблюдателями всего в двух местах (описание, приведенное выше, сделано на сельском избирательном участке в 7 км от поселка Фуши-Аретц). Это фрейм «*голосования как священнодействия*»: событие волеизъявления становится экраном сильной символической проекции, ему сообщаются внятные религиозные коннотации. Что любопытно, оно не приводит к устранению женщин из голосования, им не чинится препятствий и что касается формальных нарушений — их здесь всего два (нарушение тайны голосования и препятствование наблюдателям в доступе на вторую половину участка, которое к тому же не является в прямом смысле слова препятствованием). Более того, по утверждению местных жителей, население села не является глубоко религиозным. Почему же именно в фрейм священнодействия было переключено событие голосования?

Вероятно, это побочное следствие самого использованного здесь ключа — *церемониала*. В процедуре голосования заложено немало элементов, подчеркивающих его торжественность и символичность. После переключения они усиливаются: ультрафиолетовая отметка на руке — уже не просто техничный способ предотвратить повторное голосование одним и тем же лицом. Теперь это Знак, символический маркер человека, выполнившего свой гражданский долг.

Что любопытно, так это устойчивость, с которой привнесенные на избирательный участок чужеродные электоральному событию символические различения (мужское/женское, сакральное/профанное) поддерживаются и воспроизводятся в течение всего дня голосования. То, что составило трудность для международных наблюдателей — понять правила игры в этом помещении, ответить на вопрос: «Что здесь происходит?», — не составляло никакого труда для местных жителей. Однако они далеко не всегда могли эксплицировать это свое знание правил игры. Правила оказались инкорпорированными и в обстановку избирательного участка.

Кейс 2. Голосование-фестиваль (Центральная Албания)

Принципиально другой тип переключения голосования — его перевод из электорального фрейма во фрейм фестиваля, празднества, локального торжества. Эта форма транспонирования, вероятно, распространена несколько шире, чем церемониальная, но тоже преимущественно в небольших деревнях и поселениях. Наблюдатели фиксировали элементы такого переключения не только в Албании, но и годом позже на выборах в Боснии и Герцеговине (рис. 4).

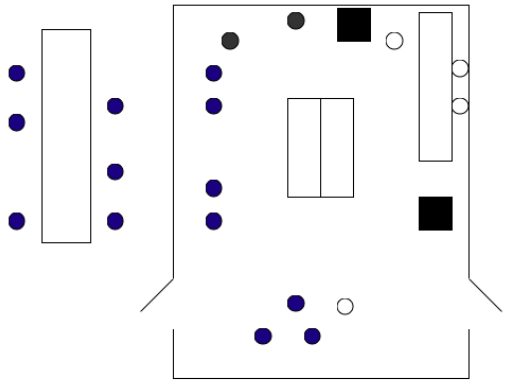

Рис. 4. Голосование как карнавал.

...Пространство избирательного участка сильно разрежено. Всего один стол для голосования стоит посреди комнаты без всяких загородок и ширм. Люди голосуют, открыто демонстрируя всем свой выбор (голосование идет только за одну партию). На избирательном участке много посторонних, уже проголосовавших, которые играют роль зрителей. Мужья зачастую приходят с документами жен и голосуют за них. Члены избирательных комиссий и наблюдатели свободно перемещаются по помещению и общаются с посторонними. После того как человек голосует, он поднимает бюллетень над головой и произносит тост или шутку. В ответ раздаются одобрительные возгласы и иногда аплодисменты. Опускание бюллетеня в урну также сопровождается возгласами и аплодисментами. Снаружи идет приготовление к празднеству, намеченному на окончание голосования.

Члены участковой избирательной комиссии непрерывно иронизируют, шутят над своими должностями, всячески их обыгрывают в диалогах. Обращаются друг к другу: «господин председатель избирательной комиссии», «госпожа секретарь комиссии» с преувеличенной церемонностью и игровыми интонациями.

Из отчетов наблюдателей (Центральная Албания)

Здесь происходит превращение голосования в особого рода ритуал взаимодействия, призванный (как и все ритуалы) усиливать солидарность сообщества. Бессмысленно анализировать происходящее с точки зрения нарушений как отклонений от правильной траектории — нарушения здесь носят массовый и систематический характер. С точки зрения фрейм-анализа, интерес представляет то, как изменяется сама архитектура события при транспонировании. Мы

видим, как пространство избирательного участка становится жестко центрированным: место для голосования оказывается чем-то вроде подиума или сцены, присутствующие — зрителями, а комиссия — жюри. В отличие от правильного электорального фрейма (и тем более от фрейма священнодействия, рассмотренного выше) этот фрейм допускает значительную свободу действий и перемещений. Это не церемониал, поскольку здесь нет имплицитного сценария и символических проекций. Ключом тут является «выдумка» (make-believe), а если более конкретно, то «игровое притворство» (playfulness) — одна из самых распространенных разновидностей «выдумки». Данный тип переключения транспонирует голосование в развлечение, *игру в голосование*, превращая волеизъявление в нечто рядоположное популярным среди американских подростков drinking-games[1].

Если предыдущий тип переключения — это сакрализация голосования (вывод фрагмента взаимодействия из первичной системы фреймов и перенос его во фрейм церемониальный с усилением всех символических элементов), то данный тип переключения это, напротив, профанация, превращение события в профанное, мирское за счет пародирования, иронии, обыгрывания.

Явка на таких избирательных участках умеренно высокая и голосование оказывается практически единогласным. Можно задаться вопросом, является ли подобное единообразие результатов волеизъявления итогом переключения самого процесса голосования, или же оба они — и переключение, и политические следствия — суть эффекты действия каких-то иных (социальных, культурных, экономических) детерминант, скрытых от глаз наблюдателя? Однако фрейм-анализ не в состоянии дать ответ на этот вопрос. Его задача — анализировать порядки взаимодействия на избирательном участке и механику их трансформации. Мы можем лишь показать, как возникающие структуры взаимодействия связаны с отдельными характеристиками избирательного процесса (например, итогами голосования в некоторых областях или наиболее типичными нарушениями). Задача такого рода фрейм-анализа — исследование политических фактов в перспективе породивших их социальных взаимодействий лицом-к-лицу.

Где в приведенном выше кейсе кроется описанное Грегори Бейтсоном фреймоустанавливающее сообщение «Это — игра»? Где локализован метакоммуникативный сигнал, перекодировавший «голосование» в «игру в голосование»? Наблюдатель не может с уверенностью сказать, что у данного переключения есть автор, скорее всего, изменение пра-

1 Игры с алкоголем — формы взаимодействия в подростковых субкультурах, характеризующиеся сочетанием игрового, состязательного и ритуального употребления спиртных напитков (например, beer-ball).

вил игры произошло до его появления на участке усилиями более чем одного взаимодействующего. Но, случившись, эта перенастройка закрепилась в материальной аранжировке события — в самой обстановке избирательного участка. Теперь все — от расположения столов и избирательных урн до размещенных в пространстве тел избирателей — выполняет функцию метакоммуникативного сообщения «это игра». Причем метакоммуникативными сигналами обмениваются также и сами взаимодействующие (иронично обращаясь друг к другу по своим официальным статусам, добавляя перформативные элементы инсценировки в текущее событие). Поэтому автора данного определения ситуации искать, по всей вероятности, бессмысленно: произошедшее переключение — результат непрерывного процесса смыслообразования, совершаемого всеми вольными и невольными участниками взаимодействия (в том числе наблюдателями). И стоит отметить, что ни у кого из участников этого процесса нет монополии на правильное определение ситуации — ни у наблюдателей, ни у избирателей, ни у членов комиссии[1].

Инкорпорирование определения ситуации в саму обстановку избирательного участка имеет место при каждом переключении и даже тогда, когда переключение происходит непроизвольно (в силу стечения обстоятельств). Зачастую определение ситуации встроено в место задолго до того, как это место оборудуется для голосования; тогда сохранившееся в нем метакоммуникативное сообщение может повлиять на итоги волеизъявления. Так, неподалеку от города Ливно (Босния и Герцеговина), населенном преимущественно хорватами, один из избирательных участков был оборудован в школе, где в период последнего боснийско-хорватского конфликта располагалась тюрьма для боснийцев. Многие избиратели-боснийцы были в этом здании заключенными и отказывались идти голосовать в место, с которым их связывают тяжелые воспоминания. Метакоммуникативное сообщение «это — избирательный участок» гораздо слабее сообщения «это — тюрьма», удерживаемого коллективной памятью.

Кейс 3. Транспонирование и фабрикация голосования (Босния и Герцеговина)

Каждая следующая трансформация — это усиление знаковых элементов события, превращение события в знак самого себя. Таким

1 Принципиально иначе рассматривается процесс фреймирования в той версии фрейм-анализа, которую развивают исследователи социальных движений. Для них установление некоторого фрейма — это всегда результат ожесточенной борьбы за право определять ситуацию следствие конкуренции самих противоборствующих акторов и предлагаемых ими определений. См. [Snow, 1988].

образом, каждое следующее наслоение в структуре взаимодействия дается легче предыдущего. А потому вслед за переключением легко может последовать фабрикация. (И наоборот, переключение может стать элементом фабрикации, ее «внешним слоем», «отвлекающим маневром», маркером фигуративности.) Далее мы приводим фрагмент из дневника наблюдения, сделанного в удаленном сельском населенном пункте в 15 км от г. Ливно.

> ...На участке царит оживленная атмосфера, люди непрерывно шутят над происходящим. В помещении находится много посторонних (уже проголосовавших?). Женщина, председатель участковой комиссии, периодически выходит из помещения и возвращается в него, громко обращается по именам к местным наблюдателям. Так же громко спрашивает у других членов избирательной комиссии: «А этот голосовал? Хорошо! А его дети приехали? Отлично! Так, кто у нас еще отлынивает от исполнения гражданского долга?». Голосующие постоянно шутят с членами комиссии. Создается ощущение, что все происходящее происходит не всерьез.
>
> К вечеру мы обратили внимание на то, что печать на одной из избирательных урн повреждена. Эта урна стоит непосредственно около стола председателя. Моя напарница заметила, что на протяжении довольно длительного времени использовалась только одна урна. (Вторая, по всей видимости, находилась под столом председателя). При подведении итогов выяснилось, что проголосовали более 90% зарегистрированных на данном участке избирателей — гораздо больше, чем по нашим приблизительным подсчетам. Когда вскрыли одну из урн, на стол часть бюллетеней выпала плотной стопкой (что возможно, только если ее туда положили такой же стопкой). Однако члены комиссии не обращают на это внимания — они продолжают поддерживать игровой настрой и тут же засыпают выпавшую стопку вброшенных бюллетеней бюллетенями из другой урны, делая вид, что распределяют бюллетени между собой: «Ты, Иванко, мужчина заметный, поэтому возьми себе больше бюллетеней — ты быстро считаешь, а ты, Ивица, раньше учителем математики был — вот тебе стопка». Так подброшенные бюллетени «размешиваются» прямо на глазах наблюдателей. Председатель комиссии подмигивает нам, словно предлагая принять участие в веселом розыгрыше.
>
> По итогам голосования на данном участке за партию HDZ проголосовало более 70% избирателей...
>
> *Из отчета наблюдателей (Босния и Герцеговина)*

В приведенном фрагменте описан довольно типичный случай вброса бюллетеней, зафиксированный наблюдателями. (Зафиксированный только потому, что в какой-то момент, заподозрив мошенничество, они начали считать голосующих.) Эта фабрикация структурно связана с элементами того типа переключения (make-believe, playfulness), которые были задействованы в данной ситуации. Как именно элементы фабрикации соотносятся с элементами переключения? Иными словами, когда и как игра становится обманом?

Мы можем лишь предположить, что переключение готовит почву и облегчает фабрикацию, являясь ее неотъемлемой частью. Точнее, само переключение здесь встроено в механику фабрикации. Спектакль, разыгранный перед наблюдателями, был, по-видимому, отвлекающим маневром для вброса бюллетеней. Однако неслучайно и то, что именно «игровое притворство», а не «состязание» или «церемониал» были выбраны для этой цели. Благодаря использованию ключа «выдумка» выборы начинают осознаваться как нечто ненастоящее, притворное, игровое. А то, что уже воспринимается, как притворство довольно легко трансформировать дальше — в мошенничество.

От аналитики событий к морфологии событийности

В приведенных выше примерах транспонирование политических/неполитических событий с их последующей трансформацией может быть описано по формуле:

1. $n_1(N) \mapsto \mathbf{x} \mapsto n_2(N')$
2. $n_1(N) \mapsto \mathbf{y} \mapsto n_3(N'')$

Где событие n_1, принадлежащее множеству событий N, транспонируется посредством ключа $\boldsymbol{x}$ в игровой фрейм N', становясь событием n_2. Аналогичным образом посредством ключа $\boldsymbol{y}$ это же событие транспонируется в фрейм N'', становясь событием n_3. Отношения, которые связывают теперь событие n_1 с событиями n_2 и n_3, — суть отношения означания, сигнификации[1]. Сравнив события n_2 и n_3, мы получим представление о том, как по-разному действуют механизмы $\boldsymbol{x}$ и $\boldsymbol{y}$. Нечто подобное мы и пытались сделать в исследовании транспонированый события голосования — его переключения посредством механизмов «ритуализации», «инсценировки», «состязания» и т. п. Нечто подобное делает и Гофман [2004], когда пишет: «Можно представить континуум, на одном полюсе которого игровые представления превращают утилитарное действие в забаву, а на другом — в спорт». Даже когда $\boldsymbol{x}$ и $\boldsymbol{y}$ принадлежат одному типу механизмов переключения

1 Другую формализацию фрейм-аналитической записи предложила Мария Ерофеева см. [Ерофеева, 2012].

(«игровые представления»), они могут трансформировать события по-разному, если ***x*** — это игра как play, а ***y*** — игра как game.

Что этот пример означает с точки зрения поставленной нами в начале статьи проблемы? Прежде всего, он показывает *вариативный характер* «политичности» событий. «Политичность» события голосования становится проблематичной, т. е., прежде всего, эксплицитной, доступной вопрошанию именно благодаря его транспонированиям. Мы можем задаваться вопросом: остается ли политическим электоральное событие, сыгранное в смежном фрейме; в конечном итоге именно возможность его переключения оказывается условием возможности его распознавания в качестве «политического»[1].

Политического нет в самом событии голосования, но нет его и в конкуренции повествований или систем фреймов. Ни участники события, ни его наблюдатели, ни электоральное законодательство или инструкции ОБСЕ не являются конечными инстанциями фреймирования события именно как политического. Более того, принадлежность события классу «повседневных» также не является ни его априорным свойством, ни свойством той системы фреймов, которую применил к нему наблюдатель. Ирвинг Гофман приходит к этому выводу в конце книги: граница между «первичной» и «вторичной» системами фреймов оказывается призрачной; первичные системы фреймов не заключают в себе все подлинные, нетранспонированные, буквальные (literal) события. В конечном итоге, пишет он, самостоятельным существованием обладают лишь отношения событий, но не сами события.

Мы можем перенести гофмановское решение на категоризацию политических событий. Политическое — это *эффект некоторой сети отношений между событиями*. Не свойство самих событий, но и не результат применения к ним «политического фреймирования» или помещения их в «политический нарратив». В приведенной выше формуле события n_1 и n_2 связаны отношением ***x***. Само событие конституировано не только в наблюдении и коммуникации — оно конституировано отношениями с иными событиями (в том числе со своими потенциальными небуквальными копиями в иных системах фреймов). Событие «флэшмоб на Марсовом поле» конституировано последующим событием «вмешательство правоохранительных органов» (а также следующим за ним событием «публикация в питерском таблоиде»). Ни в самом флэшмобе, ни в публикации о нем политического нет.

Не возвращает ли такое теоретическое решение нас на два шага назад к релятивистской максиме об относительности вся-

1 См. любопытную работу Михаила Агапова [Агапов, 2012] о фрейминге и рефрейминге события «акция протеста».

кого события? Чем тогда это решение принципиально отличается от решения, предложенного в интерпретативном политическом анализе?

Стоит различать два принципиально несхожих (по степени радикальности) релятивизма: эпистемологический и онтологический. К примеру, эпистемологические релятивисты на провокационный вопрос социологов науки о том, где находились микробы до их открытия Пастером, отвечают: нечто существовало и до пастеровского открытия, но что именно — мы не знаем; у нас не было языка описания, способного сделать микробов видимыми, различимыми и доступными экспериментальному изучению. Пастер создал систему различения, которая конституирует микробов как микробов. Онтологический релятивист отвечает на этот вопрос циничной фразой Брюно Латура: «Спрашивать о том, где были микробы до Пастера, все равно, что спрашивать, где был Пастер до года своего рождения» [Гофман, 2004]. Работа Пастера не просто делает микробов видимыми, она их создает.

Решение IPA — это эпистемологический релятивизм. Представление о том, что всякое событие конституируется системой фреймов, задействованной наблюдателями и коммуникаторами, основывается на допущении, что про сам мир взаимодействий мы можем лишь сказать: «Нечто происходит», тогда как существование наблюдателя и события наблюдения принимается как априорная данность (потому что «Если в лесу упало дерево, и никто этого не слышал, откуда мы знаем, что оно упало со страшным треском?»). Событие должно быть различено и описано — лишь тогда оно приобретает атрибутивные свойства (в том числе свойство быть политическим, социальным, физическим и т. д.). Это решение неизбежно переносит «политичность» события в сферу интерпретации. Онтологический релятивизм — стиль, хорошо знакомый по работам Б. Латура, Дж. Ло, А. М. Мол и М. Калона, — лишает наблюдателя (и стоящее за ним трансцендентальное сообщество наблюдателей) привилегированной позиции. Не наблюдение и последующее описание конституируют событие — сами события конституируют друг друга. События наблюдения и описания — лишь некоторые из возможных конституирующих элементов. В свою очередь системы фреймов — не трансцендентальные или когнитивные конструкции, а характеристики синхронных и диахронных событийных связей. Пользуясь теоретическим языком, предложенным А. Ф. Филипповым, мы могли бы сказать, что *политическое проявляет себя не в самих событиях, а в их фигурации*.

Это теоретическое решение требует существенной доработки. Однако мы можем зафиксировать его как промежуточный результат для дальнейшего анализа.

Библиография

1. *Агапов М. Порядки коммуникаций на публичных мероприятиях: опыт фрейм-аналитического исследования // Социология власти. 2012. № 8. С. 58–73.*
2. *Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии, эпистемологии. М.: Смысл, 2000.*
3. *Борхес Х. Л. Аналитический язык Джона Уилкинса // Борхес Х. Л. Сочинения: в 3 т. Эссе. Новеллы. Т. 2. Рига: Полярис, 1994. С. 85–88.*
4. *Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социологос: общество и сферы смысла. М.: Прогресс, 1991.*
5. *Вахштайн В. Теория фреймов и социология повседневности. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2011.*
6. *Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Ин-т социологии РАН; Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004.*
7. *Ерофеева М. Фрейм-аналитическая модель коммуникации: возможности и ограничения // Социология власти. 2012. № 8. С. 36–49.*
8. *Магун А. В. Единство и одиночество: Курс политической философии Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2011.*
9. *Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Мир, 1979.*
10. *Подорога В. Апология политического. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2010.*
11. *Филиппов А. Ф. К теории социальных событий // Логос. 2004. № 5 (44).*
12. *Филиппов А. Ф. Пространство политических событий // Политические исследования. 2005. № 2.*
13. *Шелер М. Формы знания и общество: сущность и понятие социологии культуры // Теоретическая социология. М.: Книжный дом «Университет», 2002.*
14. *Шмитт К. Теория партизана М.: Праксис, 2007.*
15. *Ядов В. А. Попытка переосмыслить концепцию фреймов Ирвинга Гофмана // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 2. С. 85–97.*
16. *Яноу Д., ван Хульст М. Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 1–2.*
17. *Branton R. P. Examining Individual-Level Voting Behavior on State Ballot Propositions. Political Research Quarterly. 2003. Vol. 56.*
18. *Husserl E. Erfahrungund Urteil: Untersuchungen zur Genealogie der Logik. Prag: Academia Verlagsbuchhandlung, 1939.*
19. *Kostadinova T. Party Strategies and Voter Behavior in the East European Mixed Election Systems // Party Politics. 2006. Jan. Vol. 12.*
20. *Latour B. The Pasteurization of France. Cambridge (Mass., USA): Harvard. Univ. Press, 1988.*
21. *Mylonas H., Roussias N. When Do Votes Count? Regime Type, Electoral Conduct, and Political Competition in Africa // Comparative Political Studies. 2008. Vol. 41.*
22. *Prysby C. L. The Structure of Southern Electoral Behavior // American Politics Research. 1989. Apr. Vol. 17.*
23. *Snow D., Benford R. Ideology, Frame Resonance, and Participant Mobilization // International Social Movement Research. 1988. No. 1.*

References

1. *Agapov M. (2012) Poryadki kommunikatsiy na publichnykh meropriyatiyakh: opyt freym-analiticheskogo issledovaniya. Sotsiologiya vlasti. № 8. S. 58–73.*
2. *Beytson G. (2000) Ekologiya razuma. Izbrannye stat'i po antropologii, psikhiatrii, epistemologii. M.: Smysl.*
3. *Borkhes Kh. L. (1994) Analiticheskiy yazyk Dzhona Uilkinsa. Borkhes Kh. L. Sochineniya: v 3 t. Esse. Novelly. T. 2. Riga: Polyaris. S. 85–88.*
4. *Branton R. P. (2003) Examining Individual-Level Voting Behavior on State Ballot Propositions. Political Research Quarterly. Vol. 56.*
5. *Erofeeva M. (2012) Freym-analiticheskaya model' kommunikatsii: vozmozhnosti i ogranicheniya. Sotsiologiya vlasti. № 8. S. 36–49.*
6. *Filippov A. F. (2004) K teorii sotsial'nykh sobytiy. Logos. № 5 (44).*
7. *Filippov A. F. (2005) Prostranstvo politicheskikh sobytiy. Politicheskie issledovaniya. № 2.*
8. *Gofman I. (2004) Analiz freymov: esse ob organizatsii povsednevnogo opyta. M.: In-t sotsiologii RAN; In-t Fonda «Obshchestvennoe mnenie».*
9. *Husserl E. (1939) Erfahrungund Urteil: Untersuchungen zur Genealogie der Logik. Prag: Academia Verlagsbuchhandlung.*
10. *Kostadinova T. (2006) Party Strategies and Voter Behavior in the East European Mixed Election Systems. Party Politics. Jan. Vol. 12.*
11. *Latour B. (1988) The Pasteurization of France. Cambridge (Mass., USA): Harvard. Univ. Press.*
12. *Magun A. V. (2011) Edinstvo i odinochestvo: Kurs politicheskoy filosofii Novogo vremeni. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.*
13. *Minskiy M. (1979) Freymy dlya predstavleniya znaniy. M.: Mir.*
14. *Mylonas H., Roussias N. (2008) When Do Votes Count? Regime Type, Electoral Conduct, and Political Competition in Africa. Comparative Political Studies. Vol. 41.*
15. *Podoroga V. (2010) Apologiya politicheskogo. M.: Izd-vo GU VShE.*
16. *Prysby C. L. (1989) The Structure of Southern Electoral Behavior. American Politics Research. Apr. Vol. 17.*
17. *Sheler M. (2002) Formy znaniya i obshchestvo: sushchnost' i ponyatie sotsiologii kul'tury. Teoreticheskaya sotsiologiya. M.: Knizhnyy dom «Universitet».*
18. *Shmitt K. (2007) Teoriya partizana. M.: Praksis.*
19. *Snow D., Benford R. (1988) Ideology, Frame Resonance, and Participant Mobilization. International Social Movement Research. No. 1.*
20. *Vakhshtayn V. (2011) Teoriya freymov i sotsiologiya povsednevnosti. SPb.: Izd-vo Evropeyskogo un-ta.*
21. *Val'denfel's B. (1991) Povsednevnost' kak plavil'nyy tigl' ratsional'nosti. Sotsio-logos: obshchestvo i sfery smysla. M.: Progress.*
22. *Yadov V. A. (2011) Popytka pereosmyslit' kontseptsiyu freymov Irvinga Gofmana. Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii. T. 14. № 2. S. 85–97.*
23. *Yanou D., van Khul'st M. (2011) Freymy politicheskogo: ot freym-analiza k analizu freymirovaniya. Sotsiologicheskoe obozrenie. T. 10. № 1–2.*